

1037-38/2003
(9 окт.)

Нарши Екатерина
(драматург)

Екатерина НАРШИ:

«Набраться мужества, терпения и дождаться лучших времен»

Екатерина Нарши – драматург. С тех пор, как эта профессия сделалась успешной, у Нарши есть шанс прославиться. Спектакль, который она сделала в ТЕАТР.DOC, – «Правила выживания леопардов в городской среде» – рассказывает про бездомных котиков московского района Щукино, где живет сама Нарши, а на самом деле – про творчество и про то, как бороться с одиночеством. Только что драматург Нарши получила премию из рук Михаила Швыдкого с пафосным названием «Долг, честь, достоинство». Документальная пьеса «Погружение», написанная по следам трагедии «Курска», заслуживает именно такой награды.

– Что заставило тебя приехать в Москву?

– В Москву меня заставило приехать то же, что и подавляющее большинство людей, приехавших сюда, – полное обнищание провинции, безденежье и абсолютная бесперспективность в моих родных местах. У меня не было ощущения, что я из бескультурного края попала в культурный, даже, скажу честно, иногда было чувство, что мне не себя нужно подтягивать до общего уровня, а спускаться вниз или самой создавать культурное веселье.

– Почему?

– Культура требует времени, а у москвичей нет времени, поэтому, когда я жила в Иркутске, у меня было ощущение, что я жила в литературном и театральном городе. Когда я жила в Новосибирске, я ощущала присутствие университетской жизни и своеобразной интеллектуальной культуры. А в Москве, конечно, количество образованных людей не меньше, но, во-первых, здесь они размазаны по огромному полю, а, во-вторых, они заняты зарабатыванием денег. Вот такая штука. Попав в Москву, я долгое время была лишена привычной для себя неформальной театральной жизни. Кто же спорит, здесь есть официальная театральная культура, но «расколбаса» не было. В Москве никогда ничего не прекращалось, но, видимо, я попала в период безвременья.

В 1999 году дебютантку Екатерину Нарши пригласили на семинар в Щелыково. Обратившись в Новосибирск, она не вернулась. С тех пор, когда у Нарши не было ни жилья, ни работы, у нее осталось острое чувство солидарности с выкинутыми на улицу кошками. Как и точное понимание большого города, которое есть в ее пьесах.

– Чего Москва лишает?

– Она лишила меня возможности жить по схеме «где родился, там и пригодился».

Шведы почему-то живут в Швеции, французы – во Франции, а я – сибирячка, что тоже в некотором смысле национальность, а живу в Москве. Это не страшно, но Байкал хотелось бы видеть чаще. А долететь до Байкала стоит столько же, сколько слетать в Испанию. Москва лишает ощущения почвы. А когда ты понимаешь, что вся другая страна живет несколько иначе, то сильно радовать это не может.

– У тебя есть чувство вины?

– Возможно, я бы не стала делать проект «Погружение» – про ощущение национальной катастрофы у людей, если бы у меня ничего такого не было.

Мода на драматургию расширила границы узкой профессии. Писать пьесы могут все, кто этого хочет, но стать настоящим драматургом – это призвание, считает Нарши. Начинать она с того, что писала на обороте фотографий стихи и монологи. Недаром она любит английскую поговорку «Если хочешь сделать что-то хорошо, сделай это своими руками». Из желания сделать что-то хорошее она написала пьесу «Двое поменьше». Пьесу никому не известной Нарши прочитал драматург Михаил Угаров, и она произвела на него впечатление «чего-то живого». Нарши позвали на фестиваль «Любимовка» в Москву, там ее заметила режиссер Ольга Субботина и выбрала в качестве своего дебюта. С этого началась карьера.

– Драматург всегда пишет пьесу, которая ко двору будет через три года, а не сейчас. Если ты сейчас будешь писать пьесу про то, что ЛДПР набрал постыдно большое число голосов, то пока ты напишешь, пока она найдет постановщиков, – ситуация уедет.

– А о чем нужно сегодня писать?

– О том, что всем нам нужно набраться мужества и терпения и дождаться лучших времен.

– Ты считаешь, будут лучшие времена?

– Ну конечно, вопрос только

нашего временного ресурса.

– Как складываются твои отношения с театром?

– Моя мама прочитала мой поэтический сборник и сказала: «Хуже, чем Тютчев, но мне понравилось. Особенно вот это стихотворение про поручика. Но не могла бы ты теперь пересказать мне своими словами, о чем оно?» Люди, у которых уже сформировался вкус, не могут и вовсе не обязаны осваивать художественный язык Нарши, Курочкина и рисковать своей репутацией. Но должна быть нормальная конкурентоспособная среда и сменяемость. Есть люди, которые находятся в еще более худшем положении, чем драматурги – это молодые режиссеры. Драматург может писать в стол, режиссер репетировать в стол не может. Я думаю, современная российская драматургия не нашла себе дорогу на площадку, потому что эта дорога заказана режиссерам – в целом, как явлению. Конечно, можно назвать Кирилла Серебренникова, Чусову, но это, скорее, антрепризные задворки русского театра, чем реальный голос нового поколения.

Вместе с режиссером из Франции Аглаей Романовской Нарши делает документальный спектакль про женщин-заключенных «Я – дочь моей матери». Текст для будущего проекта, который выйдет в январе 2004, собран в женской колонии строгого режима. Одна из женщин-заключенных отбывает срок за попытку убийства матери. Драматург Нарши, которая всерьез считает, что драматурги способ-

ны предугадывать жизненный сценарий, считает, что настоящее искусство способно помочь человеку.

– Проект про заключенных – это исследование?

– Да. Но не нищеты, пьянства, а того, что каждая женщина может сказать, что в том, что у нее что-то не сложилось в этой жизни, виновата ее мать. И будет права. Но пока ты не освободишься от претензий к матери, негативный сценарий будет переходить и на твою дочку. В тюрьме люди обречены постоянно проигрывать свои сценарии, и они поделились своими переживаниями. Тем самым они позволяют другим зрителям, никогда не бывшим в замкнутом пространстве, узнать себя и прожить эти конфликты. Я надеюсь, у этого проекта будет мощное терапевтическое последствие: многие благополучные женщины будут прятать лицо, узнавая самих себя.

По духу Нарши – революционерка, хоть и получает официальные премии. Она готова бороться за право голоса и на выборах, и в искусстве. Только что она с группой московских драматургов вернулась с «русских сезонов» в польском городе Гданьске, где ее пьесу «Лучшие» показывали в формате читки и опубликовали в сборнике русских пьес. В планах – постановка «Погружения», которую Нарши собирается превратить в гражданскую акцию.

– Я считаю, что пьесы современных русских драматургов должно издавать не только Министерство культуры Польши, и что поддерживать современную русскую драма-

тургию должен не только Британский Совет.

– И поэтому ты решила сама сделать спектакль?

– Я поняла, что помощи ждать неоткуда...

– Но согласишься, что сейчас условия куда более благоприятные.

– Чем пять лет назад. Безусловно, ситуация меняется очень быстро, и я надеюсь, что через два-три года все будет иначе. Мы сделаем это своими руками. У меня нет иллюзий относительно моих режиссерских и актерских способностей, и «Леопарды» – это старый добрый советский литературный театр, но в авторской форме. Заниматься тут режиссурой было бессмысленно, потому что это убило бы авторство.

– Какова в твоём спектакле доля импровизации?

– Текучая и меняющаяся жизнь, о которой я рассказываю, умрет, если я буду выходить и с выражением читать текст. Поэтому внутри там есть композиционные стыки, и есть зоны для импровизации, которые я заполняю в зависимости от погоды, от того, кто сидит в зале. Целью этого эксперимента было понять, почему театр не пользуется моими текстами. Может быть, они боятся, что эти тексты неинтересны зрителю. Но я доказываю, что даже хилыми усилиями артистки Нарши эти тексты держат зрительское внимание способны. Я себе это доказываю, не кому-либо.

– Драматургия не приносит денег в нашей стране?

– Драматургия не приносит денег ни в одной стране, если иметь в виду драматургию поисковую. Писать для антрепризы можно и в России, но это не будет современной драматургией по форме, по поиску. Я не жалею о том, что мои пьесы не приносят дохода – они приносят мне нечто другое: людей, новые ощущения, а это тоже чего-то стоит.

Драматург Екатерина Нарши способна творчески воспринимать жизнь и фиксировать ее в пьесах. Это и есть главное, чем ценна всякая драматургия – новая и старая. Славы действительно остается подождать, когда есть талант и воля.

– Тебе нравится время, в котором ты живешь?

– Мне многое в нем нравится. Нравится, что идет снег, вообще жизнь моя становится все лучше, а краски – ярче. Многие вещи я начинаю ценить. Люди становятся лучше и талантливее – по крайней мере, те, с которыми я считаю должным дружить.

– А что для тебя трудно сейчас?

– Трудно отказаться от возможности зашарашить денег, написав мелодраму для киностудии.

– А что приносит удовольствие, кроме написания пьес?

– Их игра. Приходят на спектакль критики, садятся с кислыми лицами и на минуте 18-ой они вдруг забывают, что на работе, и становятся людьми. Превращать театральных критиков в людей – ужасное удовольствие.

Беседовала
Кристина МАТВИЕНКО
Фото И. ТАТОВА

Экран и сцена